

М. А. Широкова

Место и роль славянофильства в русской философии и общественной мысли: историография проблемы

M. A. Shirokova

The Place and Role of the Slavophilism in Russian Philosophy and Social Thought: the Historiography of the Problem

Рассматривается отечественная и зарубежная историография идей основоположников славянофильства — А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, К. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина. Автор выделяет различные точки зрения на определение места славянофильства в истории «русской идеи» и русской философии, а также в российском идейно-политическом спектре. Сопоставляются интерпретации славянофильства как либерального, консервативного и социалистического течения русской мысли.

Ключевые слова: русская философия, русская идея, славянофильство, культура, идеология.

DOI 10.14258/izvasu(2013)2.2-46

Славянофильство следует отнести к наиболее исследованным течениям общественной мысли России, о чем свидетельствуют и количество, и качество вышедшей у нас в стране и за рубежом литературы. Однако обращает на себя внимание почти полное отсутствие работ, в которых была бы представлена развернутая характеристика славянофильской культурно-исторической концепции. Значительные затруднения вызывает и определение места славянофильства в российском идейно-политическом спектре.

Попытки толкования и идеологической интерпретации взглядов славянофилов наблюдались уже в период существования славянофильского кружка, а также вскоре после его распада. Сторонники консервативных ценностей (И. С. Аксаков, Д. Ф. Самарин, К. Н. Бестужев-Рюмин, Э. А. Дмитриев-Мамонов и др.) выступали как последователи и апологеты славянофильства, хотя в их трудах славянофильские идеи приобретали все более охранительное звучание, определяющей чертой славянофильства они считали религиозность. Этот подход был продолжен на рубеже веков биографами отдельных славянофилов и близких к ним мыслителей [1–4]. Что же касается либералов-западников — П. Г. Виноградова, В. И. Герье, П. И. Линицкого, П. Н. Милюкова, А. Н. Пыпина, А. М. Скабичевского, М. Д. Чадова, Б. Н. Чичерина и других, то в их работах подчеркнуто противопоставляются славянофильство и русский либерализм, а идеи славянофилов зачастую смешиваются с кон-

The article deals with domestic and foreign historiography of the ideas of the founders of Slavophilism — A. S. Homyakov, I. V. Kireyevsky, K. S. Aksakov, Yu. F. Samarin. The author highlights different points of view on the definition of place of Slavophilism in the history of «Russian idea» and Russian philosophy, as well as in the Russian ideological and political spectrum. The interpretations of Slavophilism as liberal, conservative and socialist currents in Russian thought are compared.

Key words: Russian philosophy, Russian idea, Slavophilism, culture, ideology.

сервативным «охранительством» теории «официальной народности».

Преимущественно критическое отношение к славянофильству, воспринятое во многом у идеологов революционного крыла — западничества — А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, прослеживается и в трудах народников-социалистов. Разделяя основные положения учения славянофилов о русской общине, они резко отвергали славянофильскую модель социально-политического идеала [5; 6].

В XX в. многие русские либералы из противников превратились в апологетов классического славянофильства. Среди них следует назвать Н. А. Бердяева и М. О. Гершензона — авторов так называемого «веховского» взгляда на славянофильство. «Веховцы» рассматривали славянофильство как истинно русское направление общественной мысли, основанное на «народном чувстве», в то время как идеалы революционной демократии объявлялись не присущими русской духовности [7; 8]. Эти мыслители посвятили изучению славянофильства еще ряд своих работ [9–12]. Н. А. Бердяеву принадлежит знаменательная мысль о том, что славянофильская «социальная идеология» представляла собой «смесь консерватизма с либерализмом и демократизмом» [9, с. 203]. Кроме того, именно Бердяев определил славянофильство как исторически первый этап русского народничества. «Веховская» концепция в дальнейшем получила раз-

вите в трудах зарубежных исследователей и мыслителей русской эмиграции.

В то же время представители русской консервативно-реакционной историографии начала XX столетия стали обвинять родоначальников славянофильства в недостаточной консервативности, в буржуазном «либеральничаньи» [13].

Со своей стороны продолжатель идей народников Р. В. Иванов-Разумник, говоря об исторических судьбах славянофильства и западничества, возвестил гибель консервативного (славянофильство) и либерального (западничество) доктринерства «под ударами зарождавшегося русского социализма, народничества» [14, с. 396].

Началом марксистской историографии славянофильства следует считать работы Г. В. Плеханова, который, первым из историков поставив вопрос о классовой природе славянофильства, объявил его «реакционной идеологией» [15, с. 109–110]. Идеи Г. В. Плеханова стали определяющими в советской литературе на несколько десятилетий (их влияние прослеживается в работах Н. Л. Мещерякова, А. Г. Дементьева, В. А. Малинина, С. А. Покровского и др.). В связи с господствующей оценкой славянофильства как реакционного общественного течения его изучению уделялось крайне мало внимания.

Ситуация начала меняться после того, как в 1940 г. в Институте истории Академии наук СССР историк С. С. Дмитриев выступил с докладом о славянофилах, вызвавшим живую дискуссию [16]. Эта дискуссия продемонстрировала, в частности, что известные советские историки Н. М. Дружинин, М. В. Нечкина, А. Шестаков вместе с С. С. Дмитриевым признавали наличие в славянофильской концепции не только реакционных, но и прогрессивных для своего времени положений.

После этого большинство исследователей стали твердо отделять славянофильство от идеологии «официальной народности». Главной линией в оценке классового характера славянофильства постепенно становится понимание его как одного из течений раннего российского либерализма, предложенного С. С. Дмитриевым. «Дворянскими либералами» называли как славянофилов, так и западников А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров. Именно эти авторы вернули в советскую историко-философскую мысль характерное для русских философов начала XX в. и для эмигрантской литературы представление о славянофильстве как о «своеобразной форме национального сознания» [17, с. 122].

Немалую роль в стимулировании научного и публицистического интереса к славянофильской проблематике сыграла дискуссия о славянофилах, проведенная журналом «Вопросы литературы» по инициативе А. Л. Янова в конце 60-х гг. [18].

С начала 1970-х гг. активно изучаются литературно-эстетические взгляды (К. Н. Ломунов, В. А. Кошелев, В. И. Кулешов, Ю. З. Янковский, Б. Ф. Егоров, Е. В. Старикова и др.), исторические воззрения славянофилов (А. И. Цамутали, С. Н. Носов), их журналистская деятельность (П. С. Рейфман, Т. Ф. Пирожкова). Несколько позже началось изучение славянофильской философской системы, продолжившееся затем в 1990-е гг. (Т. И. Благова, З. А. Каменский, А. Д. Сухов). Взгляды славянофилов на государственное и общественное устройство, на политическое развитие России и Запада впервые были систематически проанализированы Н. И. Цимбаевым [19]. Примечательно, что каждый из историков, философов, литературоведов, занимавшихся изучением наследия деятелей славянофильства, так или иначе стремился определить их идейно-политическую принадлежность. Спектр мнений на этот счет достаточно широк.

Вывод С. С. Дмитриева о либерализме родоначальников славянофильства стал господствующим в советской историографии. Он получил дальнейшее развитие в работах Е. А. Дудзинской, В. А. Китаева, К. Н. Ломунова, Т. Ф. Пирожковой, П. С. Рейфмана, А. Д. Сухова, А. Н. Цамутали, Н. И. Цимбаева и многих других. Относительное меньшинство исследователей продолжали считать славянофильское учение консервативно-реакционным, правда, отдавая должное имеющимся в нем прогрессивным чертам (В. А. Кошелев, С. А. Новиков, Ю. З. Янковский). Имеется и третья точка зрения, хотя и не столь распространенная, как две первые. Часть исследователей относили учение Хомякова, Киреевского, Аксакова и Самарина к христианскому социализму [20; 21].

Такое разнообразие трактовок идеологии славянофильства сохранилось и в постсоветский период. Отличительная черта исследований 1990-х — начала 2000-х гг. — усиление тенденции к преувеличению консервативного характера славянофильских идей [22–24]. На наш взгляд, распространение таких оценок отчасти объясняется стремлением дистанцироваться от советской историографии, а отчасти — влиянием авторов зарубежных исследований по славянофильству, период идейной конфронтации с которыми миновал. Не следует сбрасывать со счетов и постепенно сформировавшуюся в российском обществе «моду» на консерватизм, которая связана с ощущением политической «безродности» или «сиротства» в идейной ориентации [25, с. 51] и отражает реальные общественные потребности. Так, А. А. Васильев в своей работе «Государственно-правовой идеал славянофилов» признает славянофильство «особой ветвью в консервативном, охранительном русле политико-правовой мысли» [26, с. 44].

С другой стороны, не утратил своего значения, в особенности среди историков, и подход, отождествляющий славянофильство с дворянским либерализ-

мом. Основанием для такого сближения служит прежде всего изучение славянофильской публицистики и практической политической деятельности по созданию проектов освобождения крестьян, по устройству земского самоуправления и т. д. [27–29]. Среди диссертационных исследований последних лет, авторы которых пытаются по-новому осмыслить соотношение славянофильства и либерализма, обращает на себя внимание работа А. В. Шарапова [30].

Независимо от идеологических определений, общей тенденцией последнего десятилетия можно считать рассмотрение славянофильства как формы национального самосознания и как важнейшего элемента национальной духовной культуры. Тем самым обнаруживается стремление отделить в славянофильском наследии «вечные» вопросы от «временных» и сосредоточиться преимущественно на изучении первых. Появилось достаточно много интересных работ, актуализирующих отдельные стороны славянофильской философии. Внимание исследователей привлекает, в частности, славянофильское учение о соборности. Так, в книге В. И. Холодного «А. С. Хомяков и современность. Зарождение и перспективы соборной феноменологии» проводится мысль, что дальнейшее существование и развитие не только России, но и человечества в целом зависит от возможности воплощения соборного бытия в историко-философском и реальном жизненном процессе [31, с. 11–16].

Через призму идеи соборности С. С. Хоружий анализирует антропологию и богословие А. С. Хомякова. Исходя из этого анализа автор предлагает цельную антропологическую модель, «которая, наряду с древним опытом, учитывает и все реальности наших дней, учитывает те острые кризисы и резкие изменения, что ныне творятся с обществом и человеком» [32, с. 1]. Антропологии другого родоначальника славянофильства И. В. Киреевского посвящена работа К. М. Антонова [33].

Несомненную востребованность славянофильского наследия в 2000-е гг. подтверждают материалы международной конференции, посвященной 200-летию А. С. Хомякова, которая состоялась в апреле 2004 г. в Москве в Литературном институте им. А. М. Горького. В объемном двухтомнике были опубликованы доклады и статьи по вопросам богословия, философии, истории, славяноведения, социологии, эстетики, политической мысли, литературы участников конференции из ведущих академических институтов и вузов России, а также Украины, Латвии, Литвы, Сербии, Хорватии, Франции, Италии, Германии, Финляндии [34].

Широчайший спектр различных точек зрения русских мыслителей разных исторических эпох на творчество и деятельность славянофилов представлен в антологии «Славянофильство: pro et contra» (2006) [35].

Нельзя не отметить, что сегодня славянофильская проблематика и терминология возрождаются во многом благодаря деятельности созданного в 2003 г. Института русской цивилизации под руководством О. А. Платонова. За время существования института были изданы сборники трудов всех ведущих идеологов славянофильства, причем многие материалы опубликованы либо вообще впервые, либо после более чем 100-летнего перерыва. Кроме того, учеными института проделана большая работа по анализу и систематизации славянофильских идей, результаты которой нашли отражение, в частности, в исследованиях А. Д. Каплина «Мировоззрение славянофилов. История и будущее России» (2008) и «Славянофилы, их сподвижники и последователи» (2011), а также в исторической энциклопедии «Славянофилы» (2009).

Некоторые современные исследователи придерживаются мнения о необходимости отказа от противопоставления славянофильства и западничества, словно бы возвращаясь теперь уже на новом витке нашей истории к высказанному более ста лет назад тезису Иванова-Разумника об окончании «великого раскола русской интеллигенции». Так, Н. И. Цимбаев, чьи научные интересы в последние годы сосредоточены на русской философии XIX в. и ее роли в формировании национального сознания, полагает, что постоянно воспроизводимая оппозиция западничества и славянофильского мировоззренческих типов наносит этому сознанию ущерб. Исследователь усматривает общий исток обоих направлений в русском «просветительском европеизме» [36]. О желательности маргинализации «долгого» дискурса российского западничества и «антизападничества» (не используя понятие «славянофильство») пишет и О. Ю. Малинова. Впрочем этот автор признает, что «факторы, обусловившие формирование именно такого дискурса, во многом сохраняются», и поэтому упомянутый дискурс, очевидно, станет еще более «долгим», определяя и в дальнейшем структурирование российского политико-идеологического спектра [37]. На еще более высокий уровень обобщений по поводу антитезы славянофильство — западничество поднимается В. И. Холодный, считающий ее специфическим выражением в определенных исторических и национальных условиях «глобального противоречивого соотношения между спонтанно складывающимся соборным самопониманием человека и социетарной (цивилизаторской) эволюцией общества», т. е. между духовной и материальной сферами человеческого бытия, между культурой и цивилизацией. Эта тема — центральная для любого философского анализа, и философами всегда считают именно тех представителей культуры, которые стремятся к рефлексии субстанциальных проблем, разумеется, «через призму национальной и своей личной специфичности» [31, с. 93, 96]. Присоединяясь к точке зрения указанного автора, добавим, что, следовательно

но, прекращение дискурса славянофилов и западников означало бы прекращение русского философствования и вообще сколько-нибудь активной умственной жизни России.

Отдельную группу исследований составляет литература, посвященная в целом «русской идее», русскому национальному сознанию (самосознанию), значительное место в которой занимает анализ славянофильской философии. Данная проблематика восходит к трудам русских писателей и философов конца XIX — начала XX в. Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, В. В. Розанова, В. И. Иванова, С. Л. Франка, И. А. Ильина, С. Н. и Е. Н. Трубецких, Н. А. Бердяева и многих других. В конце XX — начале XXI в. к этой теме обращались Ф. И. Гиренок, А. В. Гулыга, Н. П. Ильин, С. Г. Кара-Мурза, В. В. Кожин, А. А. Корольков, М. А. Маслин, В. С. Непомнящий, А. С. Панарин, В. В. Сербиненко [38–47] и др. Есть и авторы, сближающие концепты национального самосознания и культурно-исторического самосознания (культурно-исторической самобытности), — Ю. Ю. Булычев и А. И. Зимин [48; 49].

Идеи русских славянофилов всегда вызывали немалый интерес и в зарубежной историографии. В начале 1950-х гг. американский историк Н. Рязановский назвал славянофильскую доктрину «консервативным романтизмом» и «анархизмом специфического сорта» [50]. Данная линия была продолжена в исследованиях П. Христоффа, Э. Глизона, Э. Тадена и других [51–53]. Однако эти авторы рассматривают славянофильство не как цельное учение, являющееся необходимой составляющей всего развития философской и социально-политической проблематики в России, а как «мысли и действия отдельных людей» [52, с. 286]. При таких методологических установках внимание исследователя преимущественно сосредоточивается на описании «интеллектуальной биографии» мыслителя, на выявлении его психологических особенностей. «Не существует славянофильства как единого направления, а существует целый ряд отдельных славянофилов», — это положение П. Христоффа стало для многих руководящей идеей [51, с. 8].

В то же время западные исследователи славянофильства нередко использовали труды Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. В. Зеньковского, Н. О. Лосского и других русских эмигрантов, посвященные славянофилам и русской философии в целом. Так, многие зарубежные авторы восприняли бердяевскую оценку взаимосвязи славянофильства и народничества, их воссоединение в одно течение русской общественной мысли. Эта оценка прослеживается, в частности, у французского профессора А. Гранжара [54], у английского русиста Я. Лаврина, который называл народничество «секуляризованным славянофильством» [55, с. 307]. Особо следует выделить точку зрения известного польского (а ныне американского) специали-

ста по русской политической истории XIX в. Анджея Валицкого. В своей работе «В кругу консервативной утопии. Структура и развитие русского славянофильства» он определяет народничество как соединение «консервативной утопии славянофилов» и «демократически-либеральной утопии западников» [56, с. 480]. При этом Валицкий не рассматривает народничество и славянофильство как оригинальные явления, присущие только русской мысли. В книге «История русской философии и общественной мысли от Просвещения до марксизма», являющейся сегодня одним из наиболее часто используемых в США и Англии учебных пособий по русской «интеллектуальной истории», Валицкий пишет, что он «пытался интерпретировать русскую мысль в общеевропейских типологических категориях» [57]. Широко известен доклад Валицкого на международной конференции по русской философии, организованной Транснациональным институтом (США) совместно с Институтом философии РАН. Конференция прошла в Москве в марте 1993 г., и наиболее интересные ее материалы были опубликованы в журнале «Вопросы философии». В своем выступлении Валицкий подчеркивал, что русской философии, «которая все-таки должна решать философские проблемы современности, а не концентрироваться на задаче адекватного воспроизведения архетипов, генотипов и стереотипов», «нет необходимости замыкаться в рамках какой-то „русской идеи“, заранее определенной на основании очень выборочного, идеологизированного истолкования традиций прошлого. Вообще, прошлое России до сих пор не способствовало, а, напротив, „очень мешало“ достижению „полноценного национального самосознания» [58].

В еще более концентрированном виде подобное отношение к проблематике «русской идеи» продемонстрировал Дж. П. Скэнлан (США) [59]. На примере его высказываний видно, как изменилась тональность многих выходящих на Западе работ по славянофильству и по русской философии в целом в 1990–2000-е гг. по сравнению с советским периодом. Объединение славянофилов с народниками привело зарубежных исследователей к выводу о том, что русский марксизм-ленинизм был прямым продолжением этой традиции. К сожалению, подобные утверждения выражают не столько академический, сколько идеологический интерес.

Более взвешенную интерпретацию такого подхода можно увидеть в работе представителя современной английской исторической науки и политической философии П. Дункана «Русское мессианство: Третий Рим, революция, коммунизм и последствия». По его мнению, разные идеи русского мессианства выходили на передний план в определенные периоды истории, особенно во времена катастроф [60, с. 29].

В июне 1993 г. в г. Мэдисоне, штат Висконсин (США), проходила конференция на тему «Русская

религиозная мысль». Ее научными координаторами были историки русской литературы, философии и общественной мысли Ричард Густафсон (Gustafson) и Джудит Дойч Корнблатт (Kornblatt). В сборнике материалов конференции основное место отводилось рассмотрению идей В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова и С. Л. Франка, но во введении координаторы предприняли попытку обзора русской религиозной мысли с выделением периодов ее существования. По их мнению, современная религиозная мысль России восходит к традициям, заложенным славянофилами в XIX в. При этом

постоянно подчеркивается определяющее влияние на славянофильство философии немецкого идеализма, а также исторический и интеллектуальный приоритет западного христианства по отношению к христианству восточному [61, с. 6–7].

Таким образом, очевидно, что существующие оценки славянофильства весьма противоречивы. С нашей точки зрения, сама возможность настолько разнообразных интерпретаций славянофильской концепции позволяет сделать вывод о ее неисчерпаемо глубоком ценностном содержании и о необходимости ее дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Колупанов Н. П. Биография А. И. Кошелева. — М., 1892. — Т. 1–2.
2. Лясковский В. А. С. Хомяков, его биография и учение // Русский архив. — 1896. — № 11.
3. Бородин М. Славянофильство Тютчева и Герцена. — СПб., 1902.
4. Завитневич В. З. А. С. Хомяков. — Киев, 1905. — Т. 1–2.
5. Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. — СПб., 1888. — Т. 2.
6. Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч. — М., 1947. — Т. 3.
7. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи; Интеллигенция в России. — М., 1991.
8. Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи; Интеллигенция в России. — М., 1991.
9. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. — М., 1912.
10. Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. — М., 1990.
11. Гершензон М. О. И. В. Киреевский // Вестник Европы. — 1908. — № 8.
12. Гершензон М. О. Славянофильство // Вопросы философии. — 1997. — № 12.
13. Таубе М. Ф. Славянофильство и его определения. — Харьков, 1905.
14. Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли : в 3 т. — М., 1997. — Т. 1.
15. Плеханов Г. В. Собр. соч. — М. ; Л., 1926. — Т. 23.
16. Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство. Из истории русской общественной мысли середины XIX в. // Историк-марксист. — 1941. — № 1.
17. Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы философии. — 1966. — № 6.
18. Вопросы литературы. — 1969. — № 5, 7, 10, 12.
19. Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. — М., 1986.
20. Володин А. И. Утопия и история. — М., 1976.
21. Попов А. А. Социально-политические воззрения А. С. Хомякова // Социально-политические науки. — 1992. — № 4–5.
22. Смирнова З. В. К спорам о славянофильстве // Вопросы философии. — 1987. — № 11.
23. Соловьев Э. Г. У истоков российского консерватизма // Полис. — 1997. — № 3.
24. Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России XI–XX вв. — М., 1995.
25. Филиппова Т. А. Мудрость без рефлексии // Кентавр. — 1993. — № 6.
26. Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов. — М., 2010.
27. Цимбаев Н. И. Московские споры либерального времени... // Русское общество 40–50-х гг. XIX в. Ч. 1 : Записки А. И. Кошелева. — М., 1991.
28. Цимбаев Н. И. «Никто из нас не доживет до жатвы». А. С. Хомяков и славянофилы // Свободная мысль. — 1993. — № 6.
29. Дудзинская Е. А. Славянофилы в пореформенной России. — М., 1994.
30. Шарапов А. В. Классическое славянофильское почвенничество в контексте русской истории 1850–1860 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 2006.
31. Холодный В. И. А. С. Хомяков и современность: Зарождение и перспектива соборной феноменологии. — М., 2004.
32. Хоружий С. С. Современные проблемы православного мирозерцания. — М., 2002.
33. Антонов К. М. Философия И. В. Киреевского: антропологический аспект. — М., 2006.
34. А. С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист : сборник статей по материалам Международной научной конференции, состоявшейся 14–17 апреля 2004 г. в г. Москве в Литературном институте им. А. М. Горького : в 2 т. — М., 2007.
35. Славянофильство: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В. А. Фатеева. — СПб., 2006.

36. Цимбаев Н.И. Европеизм как категория национального сознания // Очерки истории русской культуры XIX века. — Вып. 4. — М., 2003.
37. Малинова О.Ю. Зеркальный лабиринт: «долгий дискурс» российского западничества/антизападничества и проблемы формирования национальной идентичности // Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке) [Электронный ресурс]. — URL: http://ashpi.asu.ru/talks/ths_2007/ths01/mlnva.html.
38. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. — М., 1995 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.modernlib.ru/>.
39. Кожин В.В. Грех и святость русской истории. — М., 2006.
40. Маслин М.А. «Велико незнание России...» // Русская идея. — М., 1992.
41. Русская философия : энциклопедия / под общ. ред. М.А. Маслина. — М., 2007.
42. Гиренок Ф.И. Пато-логия русского ума. Картография дословности. — М., 1998.
43. Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции. — М., 2000.
44. Кара-Мурза С.Г. Россия и Запад. — М., 2011.
45. Корольков А.А. Русская духовная философия. Духовный смысл русской культуры. — СПб., 2006.
46. Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960-х –1990-х гг. : в 2 т. — М., 2001.
47. Сербиненко В.В. Русская философия : курс лекций. — М., 2005.
48. Зимин А.И. Европоцентризм и русское национальное самосознание // Социологические исследования. — 1996. — №2.
49. Булычев Ю.Ю. Россия как предмет культурно-исторического познания. Введение в проблему российской культурно-исторической самобытности. — СПб., 2005.
50. Riasanovsky N. Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles. A Study of romantic ideology. — Cambridge, 1952.
51. Christoff P. An introduction to Nineteenth-Century Russian Slavophilism. A Study of Ideas. — San-Fransisco State College. Mouton, 1961.
52. Gleason A. European and Moscovite: Ivan Kireevsky and the Origins of Slavophilism. — Cambridge, 1972.
53. Thaden E. Conservative Nationalism in Nineteenth — Century Russia. — University of Washington Press. Seattle, 1964.
54. Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. — М., 1962. — Т. 1.
55. Lavrin J. Populists and Slavophiles // The Russian Review. — 1962. — V. XXI, №4.
56. Walicki A. W kregu konservativnei utopii. Struktura i przemiany rosjiskiego slowianofilstwa. — Warszawa, 1964.
57. Walicki A. A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism. — Stanford, 1979 and Oxford, 1980.
58. Валицкий А. По поводу «русской идеи» в русской философии // Вопросы философии. — 1994. — № 1.
59. Скэнлан Дж.П. Нужна ли России русская философия? // Вопросы философии. — 1994. — № 1.
60. Duncan Peter J.S. Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After. — L. ; N.Y., 2000.
61. Russian Religious Thought / Edited by Judith Deutsch Kornblatt and Richard F. Gustafson. — Madison, 1996.